

— Итак, командер, вы согласны.

— Да, сэр.

Генерал Мимору впервые видел этого человека. И человек ему сразу неглянулся.

Командер Максим Люкассен, выпускник Военного университета. Диплом — копия со штампом федеральной безопасности о смене фамилии, получена полгода назад. Справка из канцелярии военного министра, удостоверяющая офицерское звание. Блестяще сдал квалификационный экзамен на чин командера, получил назначение. Тридцать девять лет, не женат, детей нет, сведения о родственниках отсутствуют. Похоже, Люкассен порвал со всеми и начал новую жизнь под новым именем. Армия для этого вполне подходящее место. От чего только люди не прячутся в армии: финансовый крах, личные трагедии, семейные неурядицы... За Люкассеном не может быть ничего компрометирующего, иначе безопасность просто закрыла бы ему доступ в войска. Но все же неприятно иметь дело с человеком без прошлого.

Нареканий не имеет, но слывет излишне отчаянным, почти авантюристом. Нелюдим, друзей не заводит, любовных связей никаких. Последнее, учитывая внешние данные, наводило на подозрения. Командер Люкассен

был высоким и прекрасно сложенным голубоглазым брюнетом, стригся по уставу, носил аккуратную черную бородку. Очень романтично. Женщины от таких млеют. Но женщин у командера не было. И мужчин тоже. Он не держал домашних животных, не разводил цветы на подоконнике, не делал взносы в благотворительные фонды, не посещал церковь, не играл в азартные игры. Не платил за подписку на политические и спортивные каналы. Он даже не имел дурных привычек: не курил, не пил, о наркотиках и речи нет. Он только служил.

Именно такого офицера генерал Мимору и искал. Робота. Функцию в командерском кителе, по которой никто не заскучает, не взгрустнет. Искал и готовился уже согласиться на компромисс, потому что понимал: таких людей не бывает. Нашел.

И как же ему не понравился найденный экземпляр!

По документам командер числился живым человеком, совершенно нормальным, пусть и напрочь лишенным каких-то слабостей, а воочию — ну действительно робот. Ему на все было наплевать. Он ничему не удивился, ничем не заинтересовался, вопросов к начальству не имел. Готов к выполнению задачи.

В какой-то миг генерал Мимору всерьез занервничал и почти уже отказался от идеи использовать Люкассена в экспедиции. Бесило его это равнодушие. Невольно возникло подозрение: либо командер все-таки псих, либо играет свою игру, затаился и чего-то ждет. А потом у него вдруг в голове щелкнет, и он такое учудит — снимай погоны и лезь в петлю.

Но тут генерал напомнил себе, что Люкассен серьезно навредить не сможет. Да, он будет командовать транспортом, но его главная роль — официальное прикрытие

операции. А пойдут с ним люди проверенные и надежные. И успех экспедиции зависит только от них.

А от Люкассена можно избавиться, если поведет себя неправильно. В принципе он не обязан вернуться на базу, доберутся прекрасно и без него.

Благо искать командера никто не станет.

* * *

— Надеюсь, вы понимаете, почему розыск и возвращение этой рукописи так важны, — со значением говорила Кэрол Монро.

За пять часов она повторила эту фразу одиннадцать раз. Где-то между седьмым и восьмым разом я поняла, что сохраняю рабочее выражение лица только из-за плохого настроения.

Пожалуй, Кэрол Монро была красива. Рядом с ней я казалась простоватой. Кэрол, с ее ледяной горделивостью, с безупречной осанкой и неожиданной грацией, выглядела настоящей принцессой. Такой книжно-романтической. По происхождению она не могла претендовать на титул, хотя материально превосходила очень-очень многих женщин из младшей аристократии.

Но в каждой черте ее образа, какую ни возьми, сквозило легкое, едва уловимое безумие. Кэрол носила только черное и белое, всегда в сочетании. Она ненавидела меланж и серые оттенки, ее устраивала только геометрическая четкость рисунка ткани и аксессуаров. Август как-то упомянул, что на свадьбу она надела ослепительно белое платье, отделанное черным кружевом; по моему скромному мнению, человек с мало-мальски развитым воображением, увидав такую невесту, бежал бы со всех ног. Когда я увидела Кэрол впервые, на ней

было узкое черное платье, украшенное каймой из белых треугольников. Любой психолог сказал бы, что у Кэрол пипец какие проблемы.

Иногда я спрашиваю себя, не связывает ли меня с этим семейством нечто большее, чем череда совпадений. В семнадцать лет я увлеклась Диком Монро, дедом Кэрол. Дик был прекрасным любовником и звал себя дьяволом во плоти. Собственно, на его вилле я встрети-лась с Кэрол первый раз. Она приехала, не предупредив, ситуация вышла до крайности неловкая. Дик не смутил-ся: тщеславие у него было поистине дьявольское. А Кэ-рол поначалу вовсе не обратила внимания на меня. Она просто вошла и, даже не думая поздороваться, выпали-ла: «С сегодняшнего дня я в разводе!» Потом скользнула взглядом по мне и добавила: «Твоя новая любовница? Еще моложе прошлой». А Дик ответил: «Я вот думаю: не жениться ли на ней? Вы мне надоели, пора завести другую семью, а вас, неудачников, забыть как страшный сон. Ты не смогла удержать даже этого шотландского ба-рана!» Мне его слова показались не только бестактными, но и жестокими. Когда Кэрол ушла, я сделала ему за-мечание. А Дик рассмеялся: «Делла, я не обязан любить людей потому, что они мои потомки. Не обязан уважать их на том основании, что они во мне нуждаются. Они не выбирали, где родиться, — так и я не выбирал, кто у меня родится. И я недоволен тем, что получилось». Два месяца спустя Дик выгнал меня в надежде, что я буду просить прощения, а я взяла и ушла. Говорили, Дик здорово разозлился, но, к счастью, я ему не дочь и не внучка, рычагов влияния на меня нет.

Когда я встретила Кэрол второй раз, многое пере-менилось. Я успела обрести статус бывшей жены Бер-

га, а она — родить девочку. Я училась на втором курсе Военного университета, Кэрол — в магистратуре историко-архивного факультета Гуманитарки. Еще Кэрол успела прослыть жуткой стервой. Неудивительно: развод, рождение ребенка бог знает от кого, гибель отца и двух братьев (причем в их смерти шепотом подозревали дедушку) — тут есть от чего озлобиться. Меня она не забыла и люто ненавидела. Надо полагать, за то, что дедуля унизил ее в моем присутствии.

В дальнейшем жизнь подкинула ей новые поводы для ненависти. Только поработав с Августом, я узнала, что пресловутым шотландским бараном, которого Кэрол не сумела удержать, был он. И отец ребенка, как я подозреваю, он же. По крайней мере, девочку звали Августой, она была тихой и аутичной, а с лица — голубоглазым беленьким ягненокком. Август коллекционировал красные игрушечные машинки; девочка проявляла интерес к красным игрушечным велосипедикам... У Дика Монро была вилла на Танире, хотя он редко тут появлялся, но с полгода назад внезапно решил, что климат ему подходит. Вместе с ним на Танире поселилась внучка. Наверное, рассчитывала возобновить отношения с бывшим мужем, ведь наверняка дочка спрашивала, кто же ее папа. А вероятный папа на все вечеринки ходил со мной и глядел сквозь бывшую жену.

Месяц назад Августа обстреляли. Вместе со мной. Обстреляли виртуозно: машина в решето, у нас обоих ни царапины, только из волос пришлось вычесывать грязь и мелкие осколки. Насчет заказчика у меня сомнений не было. Кэрол давно проболталась, как бы случайно и в узком доверенном кругу, что готова свести счеты, если кое-кто не одумается. Август и бровью не повел.

И, когда сегодня она позвонила и повелительным тоном предложила мне приехать, я согласилась. У меня было отвратительное настроение. Уже давно. В таком состоянии лучше не браться за рискованные проекты: легко умереть. Но парадокс в том, что как раз смерть не пугает и даже чем-то притягивает.

Тяжелый год. Пустые, нелепые слова. Осенью я пообещала деду, что непременно приеду домой на православное Рождество. Давно не виделась с родными, совсем заработалась. Август взялся за сложное расследование на Сибири, планировал закончить его к католическому Рождеству. Все обернулось плохо: очень славный человек погиб, и мы не успели его спасти. И конечно, не уложились в срок, а для разнообразия еще и в русской тюрьме посидели. На Таниру мы вернулись лишь в конце января. На память о том деле нам осталась спецсобака Василиса — списанный киборг из космодромной охраны, натасканный на грузовых роботов. С виду она была обычной сибирской овчаркой: пушистый рыжий мех, умильная черная морда, роскошный хвост. Позитивная такая собачка, а что большая, так это прекрасно — будет кого обнять в минуту жизни трудную. Главное, не заглядывать в пасть... И вот это чудовище, не успев долететь до своего нового дома, взяло и радостно ошенилось. Как же собаки любят устраивать такие подляны! Нам пришлось здорово помучиться с перевозкой всего зверинца, потом — с его обустройством.

А когда я, освободившись, позвонила деду, то узнала: поздно. Дед умер двадцать второго января, так и не дождавшись меня. Меланома. Проклятье. Один из немногих видов рака, излечимых только на ранней стадии. Дед просто не обратил внимания на первые симптомы.

Он никому не сказал, что умирает. Хотел на прощание собрать всех, кого любил. А мы не поняли, не почувствовали.

Не знаю, как сложились бы мои отношения с Максом, если бы не смерть деда. Прошлым летом мы помирились, вскоре я застучала его с другой женщиной, потом мы снова помирились... Он хотел реанимировать наш брак. Я взяла тайм-аут на размышление. Собиралась дать ответ, когда вернусь с Сибири. Естественно, мне донесли, что в мое отсутствие Макс не терял времени даром. Я и без того чувствовала себя покинутой, и теперь нелогично, зато от всей души, обиделась на Макса: он развлекался, наслаждался жизнью, а дед там умирал. Я потеряла одного из самых дорогих людей, а этот неисправимый бабник пристаёт со свадьбой, вцепился как клещ. Не до веселья мне, ясно? В конце концов, если Макс хотел снова жениться, мог бы и побольше интересоваться моей семьей! Словом, я сказала: хватит. Хватит мучить друг друга. Мы не пара и... и вообще. Возможно, наша любовь еще не умерла, но рассудок — особенно мой — твердил, что пора разбежаться. Да к черту рассудок! Я точно знала, что больше не надену фамильное кольцо княгини Сонно, а Макса не устраивали никакие другие отношения. Он хотел, чтобы я была его, а я хочу быть своей. И дьявол меня раздери, мое сердце рыдало кровью, но я сказала: ставим точку.

Макс... Макс принял мой ответ. И скорбно поклялся, что я больше никогда о нем не услышу. Слово сдержал. Мне перестала звонить его сестра Татьяна, меня не беспокоили репортеры светской хроники. Более того, имя Максимилиана ван ден Берга вовсе исчезло из новостей, включая даже финансовые. Я подозревала, что он

заперся в поместье и глубоко задумался, как теперь быть дальше. Что ж, ему надо многое переоценить. Одиночество — хорошая вещь, особенно в нашем положении. Я бы тоже так хотела. Но знала, что мне это не поможет. А Макс — он справится. Я нисколько не боялась, что он покончит с собой или сопьется. Тогда бы я точно услышала о нем, пусть и в контексте смерти, а он ведь обещал, что исчезнет. Берги упорные: если чего решили, сто раз пожалеют, но будут держать марку.

Я заставляла себя жить. Даже завела что-то вроде романа. Следователь Йен Йоханссон, талантище и симпатяга, на три года меня моложе. Мы встречались, он трогательно ухаживал, я смеялась его шуткам и поощряла его юношескую еще любовь. Увы, я ни капельки не любила его. Наш как-бы-роман сошел на нет без ссор, не успев дойти до близости. Как и предсказывал доктор Моррис, Йену предложили место в федеральной безопасности. Он колебался, но все дружно уговаривали его согласиться, даже инспектор Крюгер, а я — больше всех. Йен уехал на Землю, я осталась на Танире. Кажется, он все понял. Изредка писал, звонил, звал в гости и обещал приехать сам. Мы оба знаем, что это просто лишь вежливость.

К лету я стала оживать. «Время лечит все» — ужасно грустная фраза. Вылечило и меня.

А месяц назад мне вдруг приснился Макс. Я вообще-то уникам, редко вижу сны, и Макс до этого не появлялся в них никогда. Он был весел, держался будто старый друг, но с какой-то несвойственной ему мудростью. Я проснулась в слезах. Почему-то была уверена, что Макса больше нет. Он приходил ко мне из-за края. Да, я практически атеистка, но точно знаю: после смерти жизнь не заканчивается. И мертвые частенько навещают

живых и стараются рассказать им нечто важное, чего не успели при жизни. Макс не рассказывал. Пока.

Сегодня он опять приснился. Говорил, что ужасно скучает. Это было уже отвратительной приметой — может быть, моей собственной близкой смерти. А когда он попросил меня приехать к нему, я даже во сне поняла, что это значит. Мертвец зовет к себе. Хуже всего, что такая перспектива не особенно пугала.

Наверное, поэтому я согласилась встретиться с Кэрол Монро, отлично зная, что стерва меня ненавидит и ни перед чем не остановится.

Почти угадала: Кэрол пять часов мучила меня семейной историей. Это было, пожалуй, страшнее, чем монологи Августа о машинках. Неподготовленного человека так и в гроб загнать можно.

— Надеюсь, вы понимаете... — начала Кэрол в двенадцатый раз.

— Да, мисс Монро, отлично понимаю. С вашего разрешения, я дам ответ завтра.

— Почему это завтра? — ледяным тоном осведомилась Кэрол. — Кажется, я не для того вас звала, чтобы вы размышляли!

— У меня есть незавершенное дело. Завтра я буду точно знать, когда смогу поступить в полное ваше распоряжение.

— Хорошо. — Она не скрывала недовольства. — Завтра в двенадцать тридцать жду вашего звонка.

Я вышла на улицу и с тоской посмотрела в небо. Собирался дождь. Почему-то с тех пор, как я поселилась на Танире, перед важным делом всегда собирается дождь.

Макс, чертов ты сукин сын, зачем же умирать?!

И только когда защипало глаза, я поняла, что по лицу текут не первые капли дождя, а слезы.

* * *

— Маккинби, ты найдешь его, — с нажимом произнес Дик Монро.

Август-Александр Пол Николас и еще двенадцать имен Маккинби, инквизитор первого класса, думал, что после визита к Монро надо зайти к хирургу. И дернул же черт подраться с Деллой! Какой смысл драться с противником, которого не способен ударить? Эта малявка прыгает, как фокстерьер: без разбега, со всех четырех лап — и сразу на плечи. Надо было выбросить ее в окно, благо там действительно невысоко, густой мягкий кустарник и недавно прошел дождь. Глядишь, остыла бы. А так вышло, что он закрывался и изредка отталкивал Деллу, а она разбила ему бровь. Кому скажешь — не поверят. Его бровь в двадцати сантиметрах над ее макушкой. И злиться не на кого, кроме себя: он и виноват. Мама права: это фрустрация. Он пытается забыть с другими девушками — не может, они мстят Делле, она срывает зло на нем, а он — на ней. Замкнутый круг. Она ненавидит титулованных, а он не может отказаться от титула. А еще она любит Берга, хотя жить с ним никогда не будет.

А Маккинби не находит сил сказать Делле, что Берга убили.

Просто боится причинить ей боль...

— Задета честь моей семьи, — дожимал Дик Монро. — Моя внучка — дура. Я знаю, ты и сам так думаешь. Это единственное, в чем я с тобой соглашусь. Я был против вашего брака. Но развод — это уже ни в какие ворота не лезло. Тем не менее я промолчал. И ты хочешь, чтобы я стерпел еще и это?! Какой-то ублюдок обрюхатил мою внучку и живет себе припеваючи, а Кэрол растит дочь без мужа! Ты найдешь его и привезешь сюда.

Дик Монро показал пальцем в пол у себя под ногами. Маккинби внимательно рассмотрел предложенное место. Он мечтал, чтобы Монро поскорей заткнулся. Искать Гая Верону, истинного отца ребенка, бессмысленно. Пропал без вести два года назад. Пропал где-то в Темном Лесу, на территории, которую наши не контролируют. Скорей всего, мертв. Если и жив — оттуда не выберется. Маккинби помнил этого тихого, слабого, но неглупого и приятного своей незлобностью человека. Он не хотел привозить его к Дику Монро. Потому что Монро — старый напыщенный придурок. Считает себя дьявольски хитрым мафиозо. Видали мы таких... в гробу. У него мозгов не хватает понять, насколько Гай Верона идеальный муж для Кэрол. Гай будет терпеть все — и продолжать любить ее. И никогда не предаст. Жаль, что он пропал.

— Гонорар — так и быть, я забуду, что ты поступил с моей внучкой как последний подлец. Ты, говорят, гений. Понимаешь, чего стоит моя добрая воля.

Маккинби не слушал. Его занимала саднящая бровь. Две недели не заживает. Вроде бы Делла зашила как надо. Не заживает. Шрам останется. Пусть останется: Маккинби не стеснялся своих ран. Одной больше, одной меньше.

Надо сказать Делле про Берга. Взять и сказать. Сегодня же. Да, ей будет больно. Но она все равно узнает рано или поздно.

Из-за чего все-таки она развелась с ним? Маккинби верил, что она не помнит. Берги помнят, но выцарапывать из них информацию — занятие утомительное, а главное, розыски не удастся сохранить в секрете. Что, если Делле самой не хочется помнить? Историческая ам-